

ИВАНОВ А. Е. УЧЕНОЕ ДОСТОИНСТВО В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ. XVIII – НАЧАЛО XX ВЕКА. ПОДГОТОВКА И НАУЧНАЯ АТТЕСТАЦИЯ ПРОФЕССОРОВ И ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ. М.: НОВЫЙ ХРОНОГРАФ, 2016. 656 с. ISBN 978-5-94881-334-9

СЕРГЕЙ СЕРГЕЕВИЧ ДЕМИДОВ

*Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН
Россия, 125315, Москва, ул. Балтийская, д. 14
E-mail: serd42@mail.ru*

DOI: 10.31857/S020596060001126-0

Наука и образование в западном мире переживают ныне непростые времена. В своих попытках поставить все под свой контроль всесильный капитал взялся за них всерьез и, похоже, надолго. Отсюда всякие «болонские процессы», журнальные рейтинги, индексы Хирша и пр. Чиновник уже не хочет доверять течение дел в столь затратной сфере самому научному сообществу, пытаясь распространить свое определяющее влияние и на нее. А так как мы с некоторых пор стали видеть себя частью этого западного мира, эта эпидемия накрыла и нас. На все это наложился начавшийся еще в перестроечные времена зуд реформирования всего на свете, в том числе и того, что и так работало неплохо и никакой кардинальной перестройки не требовало, кроме разве что внесения некоторой естественной, учитывающей требования времени правки. Хорошим примером служит здесь проблема научной аттестации – присуждения научных степеней и званий, без нормального функционирования которой невозможно успешное развитие ин-

ститута науки. Основным побудительным стимулом в этой деятельности стало желание сделать все так, как это происходит в «цивилизованном западном мире». Однако представления наших реформаторов о «цивилизованном Западе» страдают, если выразиться мягко, исключительной приближенностью, а если точнее, абсолютной безграмотностью, в том числе безграмотностью исторической. Они даже не удосужились дать себе труд выяснить, как в действительности организованы научные исследования в разных странах Запада. И вряд ли чиновники представляют себе, что они различны, например, в Великобритании и Франции, и уж совсем иначе устроены в США. Различия определяются прежде всего общественно-политическими и историческими условиями, в которых формировались эти системы. Так, организация британских университетов с их причудливой системой колледжей совершенно отлична от университетской системы Франции, а система пяти академий, составляющих Институт Франции, не имеет

аналогов в мире. Точно так же различные системы научной аттестации – в каждой стране, обладающей собственным историческим опытом научного строительства, она своя. Своя собственная система выстроена и в нашей стране за более чем 250-летнюю историю развития ее научных и образовательных институтов.

За ее кардинальную перестройку берутся уже второй раз. Первая попытка была предпринята после Октябрьской социалистической революции в 1918 г. В частности, были упразднены ученые степени. Лица, преподававшие в университетах, в зависимости от стажа были поделены на две категории – профессоров и преподавателей. При этом те из них, кто проработал более определенного количества лет (а таковыми оказывались практически все старые профессора), должны были еще пройти через «все-российский конкурс». Расчет властей был прост. Этот конкурс, как они полагали, смогут пройти лишь немногие из них, так как вряд ли за «университетскую буржуазию» (ординарных и экстраординарных профессоров) отдаст свой голос угнетенный класс – вчерашние приват-доценты. Однако расчет властей не оправдался. Практически все старые профессора оказались переизбранными. Профессорско-преподавательская среда встала в глухую оборону. «Еще в 1919 году наблюдались факты диссертаций, завершаемые присуждением ученых степеней в Московском и Киевском университетах», – пишет в своей книге «Ученое достоинство в Российской империи XVIII – начала XX века» известный русский историк Анатолий Евгеньевич Иванов. Об этой книге, как было уже указано в заглавии, и

пойдет речь. Пока же, цитируя эту книгу, мы вернемся к нашему сюжету: «Встретив же жесткое сопротивление власти, “старая” профессура изменила тактику. Сохранив в неприкосновенности во всех процедурных составляющих диссертационный диспут, она стала завершать его голосованием по формуле: “Считать (или не считать) диссертацию успешно завершённой”. Формально такой вердикт не противоречил предписанию декрета 1 октября 1918 г. и не имел юридической силы. Вместе с тем он фактически продолжал прежнюю традицию научного диспута при аттестации профессорско-преподавательских кадров» (с. 506). Так, формально подчинившись, научное сообщество продолжило обычную, освященную временем и (это главное) необходимую для нормальной своей жизнедеятельности практику воспитания ученых. И как только научное строительство в 1920-е гг. стало вновь заботой власти, эта задача вышла на государственный уровень: уже 8 мая 1926 г. в Наркомпросе был заслушан доклад В. П. Волгина «Об установлении единой ученой степени». Соответствующего постановления, однако, пришлось ждать еще много лет, и лишь «19 января 1934 г., – пишет Иванов, – Совнарком СССР принял постановление “Об ученых степенях”, которым устанавливались ученые степени кандидата и доктора наук и соответствующие им ученые звания ассистента, доцента и профессора, а в научно-исследовательских институтах – звания младшего, старшего научных сотрудников и действительного члена НИИ. Обретение ученых степеней кандидата и доктора наук непременно обуславливалось сдачей кандидатских экзаменов и публичной защитой диссер-

тации. Новым оказалось старое, выработанное на протяжении XVIII – начала XX века» (с. 508–509).

Старому, о котором пришлось вспомнить советской власти, т. е. аттестации научно-педагогических кадров высшей школы Российской империи, тому как она складывалась начиная с 20-х гг. XVIII и вплоть до начала XX в., и посвящена монография Иванова, рассказ о которой, собственно, мы уже начали. Книгу открывает глава «Люди науки, ученые степени и звания в XVIII веке», столетии, с которого начинаются попытки построения собственной системы научной аттестации, которая смогла бы обеспечить российскую высшую школу квалифицированными научными кадрами (заграничные командировки, институт стипендиатов при Московском университете, различные испытания на ученые степени – экзамены, защиты диссертаций). Присуждение ученых степеней не было при этом регламентировано какими-либо нормативными актами и «потому во многом носило бессистемный характер – спонтанный, нередко определяемый усмотрением начальства, текущими потребностями формирования профессорско-преподавательской коллегии Академического и Московского университетов» (с. 58). Как показывает автор, совершенно замечательной представляется роль М. В. Ломоносова, который всеми возможными для него средствами пытался воздействовать на верховную власть в плане развития системы университетского образования в России. В его письме от 12 октября 1748 г. В. К. Тредиаковскому, секретарю исторического собрания, на котором обсуждался регламент Академического университета, он писал: «...в Универ-

ситете неотменно должно быть трем факультетам: юридическому, медицинскому и философскому (богословский оставляю синодальным училищам), в которых бы производились в магистры, лиценциаты и доктора». Без этой привилегии, полагал ученый, ему не удастся достичь уровня университетов, «которые процветают у прочих европейских народов» (с. 25). И хотя все проекты Ломоносова о введении ученых степеней в России остались не реализованными, «посеянные им зерна идей в этой научно-организационной сфере дали свои всходы. Сначала в Академии наук, затем преимущественно в Московском университете формировался и начал принимать зримые очертания процесс научной аттестации» (с. 58).

Во второй главе «Институт научной аттестации профессоров и преподавателей императорских университетов и православных духовных академий в XIX – начале XX в.» изучается эволюция системы научных степеней от четырехступенчатой («студент» или «действительный студент», «кандидат», «магистр», «доктор наук») по положению 1819 г. до просуществовавшей до 1918 г. двухступенчатой – «магистр» и «доктор наук» по университетскому уставу 1884 г. Эта действовавшая в университетах система (с вариациями, например, для медиков) служила образцом для прочих учебных заведений (в том числе духовных академий, а также отраслевых учебных заведений, например, для Петровской земледельческой и лесной академии и пр.). Специальный раздел посвящен приват-доцентуре – разряду, введенному уставом 1863 г. как средству, способствующему обновлению профессорского состава университе-

тов: «Допущение посторонних лиц к чтению лекций в звании приват-доцента представляется наиболее лучшим средством для устройства рассадника профессоров, главнейшим средством для замещения кафедр и самым действенным способом против застоя и апатии» (с. 106). Уставом 1884 г. штатная доцентура упразднялась и основным источником пополнения профессорского корпуса становились внештатные приват-доценты. Как пишет автор, «приват-доцентура так и не смогла в полной мере компенсировать нехватку должного количества докторов наук для штатного замещения всех профессорских вакансий» (с. 106). От себя замечу, что для математиков по крайней мере Московского и Петербургского университетов такая проблема не стояла – докторов было достаточно, не хватало профессорских вакансий. Даже выдающиеся из новопеченных докторов, такие как Г. Ф. Вороной или А. М. Ляпунов, вынуждены были отправляться работать в провинцию – первый в Варшаву, второй в Харьков. Приват-доценты же обеспечивали чтение многочисленных специальных курсов, зачастую посвященных самым последним достижениям математики и ее приложений, чем способствовали поднятию уровня преподавания.

Специально рассмотрены случаи злоупотреблений на ниве присуждения ученых степеней – продажи дипломов, присуждения степени почетного доктора высокопоставленным чиновникам. Так, некие Вальтер и Вебер приобрели за деньги докторскую степень по юриспруденции Дерптского университета – «дерптская афера». Такие случаи были также зарегистрированы в Харьковском университете.

Третья глава «Системы подготовки научно-педагогических кадров высшей школы Российской империи. Первая половина XIX века» посвящена проблеме воспитания педагогов высшей квалификации. Если в XVIII – начале XIX в. правительство делало ставку на приглашение «на коронную академическую службу профессор-иностранцев, составлявших в итоге значительную долю преподавательского корпуса университетов» (с. 144), то уже в первой половине XIX в. политика меняется – ключевой становится задача создания национального педагогического корпуса, состоящего преимущественно из российских подданных. С этой целью были созданы специальные учреждения – Профессорский институт при Дерптском университете (1827), Курсы правоведения при Петербургском университете (1828) и самостоятельный Главный педагогический институт в Петербурге (1828)¹. Эти учебные заведения отличались друг от друга и организацией, и учебными планами, и методами обучения, а также контингентом: так, на учебу в Профессорском институте в Дерпте отбирались наиболее способные выпускники российских университетов, а первый набор Курсов правоведения был организован из выпускников Петербургской и Московской духовных академий. Что же касается Главного педагогического института, в задачи которого входила подготовка преподавателей гимназий, то его студентов поначалу предпола-

¹ Таким образом, воссоздавался основанный еще в 1816 г. Главный педагогический институт, послуживший фундаментом открытому в 1819 г. Петербургскому университету и в нем растворившемуся.

лось набирать из воспитанников духовных семинарий, успешно закончивших философские классы. Значимость этих институтов, действовавших на протяжении значительного времени (Профессорский институт до 1838 г., Курсы правоведения до 1835 г., а Главный педагогический институт до 1858 г.), для развития русской высшей школы трудно переоценить – достаточно вспомнить, что из них вышли такие выдающиеся деятели науки и образования, как Н. И. Пирогов и Д. И. Менделеев. Заметим, что при построении отечественной системы подготовки и аттестации научно-педагогических кадров ее создатели ориентировались на опыт германских университетов. К сожалению, и это следует поставить в упрек автору, вопрос о соотношении отечественного опыта с западноевропейским остался на втором плане.

В четвертой и пятой главах «Институт заграничной научной командировки в процессе подготовки научно-педагогических кадров (30–70-е годы XIX века)» и «Новая реальность: “профессорские стипендиаты”. 60-е годы XIX – начало XX в.» акцент делается на одном из важнейших в ту пору путей решения проблемы подготовки научно-педагогических кадров: командировании выпускников, оставляемых при университетах для, как тогда говорили, «приготовления к профессорскому званию», в заграничные (прежде всего немецкие и французские) университеты. «Приготовление к профессорскому званию» стало одной из главных задач Министерства народного просвещения и самих университетов. Ее решение способствовало укреплению национального педагогического корпуса, дав за 30 лет

(1828–1858) 79 дипломированных специалистов, продолживших свое образование в европейских университетах. Политика министра народного просвещения С. С. Уварова была направлена на всемерное развитие практики зарубежных научных стажировок. За первые 13 лет действия университетского устава 1835 года лица, стажировавшиеся на Западе, заняли 122 кафедры или 57 % штатных профессорских мест в Московском, Петербургском, Казанском, Харьковском и Киевском университетах. А если прибавить к ним штатных профессоров и преподавателей, прошедших стажировку до 1835 г., то получим еще более впечатляющий результат – 67 % (с. 233)! Распространенной стала практика заграничных командировок штатных адъюнктов и профессоров университетов², что служило расширению творческого диапазона отечественных ученых и развитию международных научных связей. Мало-помалу русская наука становилась органической частью европейской. И хотя процесс ее интернационализации неуклонно углублялся и ширился, течение его в сильной степени определялось факторами внутренней и внешней по-

² Каждое свое утверждение автор старается проиллюстрировать примерами, связанными с деятельностью тех или иных деятелей российской высшей школы. Говоря о командировках за рубеж штатных преподавателей университетов, он приводит пример химика-математика Н. Н. Зинина (с. 235). К сожалению, в этом случае он допускает досадную оплошность, соединив в одном лице двух Зининых: выдающегося казанского химика Николая Николаевича Зинина (1812–1880) и его сына превосходного математика Николая Николаевича Зинина (1854–1910), профессора Варшавского университета и первого директора Донского политехнического института в Новочеркасске.

литики. Так, например, международные связи были резко заторможены политической реакцией конца 1840–начала 1850-х гг.: из-за революционных событий в Западной Европе заграничные командировки по ведомству Министерства народного просвещения прекратились. Но после кончины Николая I в 1856 г. они возобновились вновь. Их развитию способствовала сама атмосфера реформ царствования Александра II. Правовой статус зарубежных командировок профессорских стипендиатов был оформлен «Правилами отправления за границу молодых людей с целью приготовления к профессорскому званию», утвержденными в 1867 г. и по существу действовавшими вплоть до революций 1917 г. Нужно сказать, что укрепившаяся к началу XX в. российская высшая школа уже обладала собственными крупными научными школами и в ряде случаев посылка лиц, оставленных при университете «для приготовления к профессорскому званию», уже не требовалась. В пункте третьем преамбулы к «Правилам» 1867 года появилось следующее императивное предписание: «Отправлять за границу кандидатов только на такие кафедры, на которые нельзя окончательно подготовиться в русских университетах; прочих же готовить в русских университетах под руководством профессоров, с назначением сим последним особого за то вознаграждения» (с. 277). Так в практике российских университетов появились «научные руководители» лиц, готовивших магистерские диссертации. Институт «профессорских стипендиатов» был «оригинальным» образом использован министром просвещения А. А. Кассо в чисто «охранительных» целях: из-за

опасения роста революционных настроений в среде учащейся молодежи и влияния на нее либеральной профессуры в январе 1912 г. был «высочайше утвержден» закон о создании российских «профессорских курсов» по римскому праву в Берлинском, по биологии и физике в Тюбингенском, по математике и юриспруденции в Парижском университетах, по механике и прикладным наукам в университете Карлсруэ, по филологии в Лейпцигском университете. Конец этим «курсам» положила начавшаяся Первая мировая война.

Наиболее злободневной для современного читателя оказывается последняя шестая глава: «“Технология” научной аттестации членов ученого корпуса». В ней рассказывается о том, как на протяжении длительного периода, растянувшего более чем на столетие, строилась та система научной и педагогической аттестации, которую мы связываем с дореволюционной Россией и отталкиваясь от которой, что-то от нее заимствуя, а что-то конструируя совершенно по-новому, создавалась советская система, верой и правдой прослужившая более полувека. Заявленные указом 1803 г. и подтвержденные уставом 1804 г. ученые степени «кандидата», «магистра» и «доктора» поначалу не были кодифицированы и порядок их присуждения, не имея какого-либо регламента, в значительной степени формировался самими университетами. Регламентация и унификация этого процесса стали одним из главных направлений деятельности Министерства народного просвещения, осуществляемой положениями «о производстве в ученые степени» 1819, 1837, 1864 и 1884 гг., сопровождавшими главные образова-

тельные документы – университетские уставы – соответственно 1804, 1835, 1863 и 1884 гг. Каждый из таких уставов служил выражением образовательной политики нового периода в истории российского государства: первый – эпохи Александра I, второй – Николая I, третий – Александра II, наконец, четвертый – Александра III. Каждый из них имел свою политическую окраску. Изменения, фиксируемые положениями «о производстве в ученые степени», демонстрируют постепенное совершенствование и рационализацию процесса научной аттестации – менялась система испытаний (экзаменов) для кандидатов, когда эта степень еще существовала (до 1884 г.), магистров (до 1917 г.), докторов (в 1864 г. экзамены для докторов были отменены), изменялся статус диссертаций – от диссертации как дополнения к экзаменам, которая должна была служить только «дополнительным доказательством» достаточного уровня подготовки соискателя, до научного исследования, подлежащего предварительной публикации (опубликованный текст тиражом не менее 300 экземпляров нужно было «представить в факультет, по крайней мере, за месяц до защиты» и разослать «по довольно широкому кругу адресов») и последующей публичной защите на заседании факультета, представленной в форме диспута с официальными и неофициальными оппонентами. Диспуты зачастую становились важными событиями не только научной, но и культурной жизни. Что замечательным образом отличает защиту в российском университете начала XX в., когда уже институт этот вполне сложился, от сегодняшних защит, так это отсутствие все засушивающей форма-

листки. С отзывами оппонентов диссертант, как правило, не был знаком заранее. Так что все критические замечания он должен был воспринять на слух и тут же суметь на них отреагировать. Оппонентов не нужно было собирать по миру по некоторой полной взаимных исключений схеме – сегодня они не могут быть из одного учреждения, более того – они не могут быть из того же учреждения, что и диссертант. Ни один из них не может быть членом совета, в котором происходит защита. Тем якобы исключается какой-либо взаимный сговор и обеспечивается объективность обсуждения. Никого при этом не волнует, что таким образом чрезвычайно сужается возможность выбора оппонентов, являющихся узкими специалистами по теме диссертации. Зачастую таких специалистов попросту нет – все они могут работать в одном месте, при этом в том же, где работает диссертант. В итоге получается так, что ни один из оппонентов в содержании диссертации настоящим специалистом не является. В те же далекие времена одним из оппонентов (притом самым непримиримым, как показывают примеры, приведенные автором книги) непременно выступал сам научный руководитель. Более того, оба оппонента по большей части оказывались коллегами по факультету, на котором учился и готовился к «профессорскому званию» сам диссертант. Основным объектом диспута был текст диссертации. Все прочие обстоятельства рассматривались как второстепенные, не стоящие внимания. Разумеется, никаких ограничений на свободу передвижений членов совета во время защиты диссертации, ставших нормой сегодня, не существовало.

О том, как эту систему рушила новая советская власть, мы уже говорили. В книге этому посвящен заключительный раздел: «Вместо заключения». К тексту сделано три приложения: первое – это «Положения» и «Правила» об ученых степенях 1819–1864 гг., второе – документы, связанные с деятельностью Профессорского института при Дерптском университете 1827–1838 гг., третье – материалы о зарубежных командировках магистрантов и докторантов в 1862 – начале 1865 г.

Книга Иванова написана превосходным русским языком, несколько старомодным, что замечательно, – читатель не может скользить по фразе, его заставляют вдумываться. Она с большим вкусом оформлена – чего стоит обложка с изображениями серебряного и золотого знаков магистра и доктора – и издана вполне приличным по нынешним меркам тиражом – 1000 экземпляров. Но самое главное, конечно, что ее отличает, – глубокое проникновение в эту малоисследованную область, к освоению которой наш автор приступил еще в начале 1990-х гг. Напомню, что в 1994 г. увидела свет его книга об ученых степенях в Российской империи³, появление которой на страницах нашего журнала приветствовал М. Г. Ярошевский⁴. Исследования Иванова заполняют ужасающий пробел в наших знаниях о развитии науки и образования в России XVIII – начала XX столетия. Справиться с такой задачей, к тому же

сделать это на таком высоком уровне мог только исследователь широкого диапазона, мастерски владеющий материалом и обладающий даром анализа столь сложного исторического материала. Книга эта – ценный подарок для всех специалистов, занимающихся историей русской культуры, да и для всех интересующихся русской историей. Она будет, безусловно, использоваться в самых разнообразных конкретных исследованиях⁵. Она подводит исследователей к следующей важной задаче: детальному изучению процесса создания в 30-х гг. XX в. советской системы научной аттестации, ко-

⁵ В качестве иллюстрации расскажу о соображении, которое пришло на ум при чтении книги. В 1905 г. профессор математики Московского университета Д. Ф. Егоров, обеспокоенный тем, что революционно настроенные студенты вовлекали в свою деятельность его ученика и будущего основателя Московской школы теории функций Н. Н. Лузина (он узнал, что под кроватью Лузина они устроили склад прокламаций и даже хранили бомбы), сделал все возможное, чтобы отправить его (тогда еще студента!) в командировку в Париж. И осуществил это. Впоследствии, когда уже в 1909 г. Лузин стал приват-доцентом, Егоров употребил все свое влияние, чтобы отправить его в Гёттинген и Париж, откуда Лузин вернулся только в 1914 г. с уже готовой диссертацией. У меня без ответа оставался один вопрос – каким образом удавалось Егорову добывать в Министерстве народного просвещения деньги для такого рода командировок. Из книги Иванова я узнал, что Министерство народного просвещения, обеспокоенное ростом революционных настроений в университетской среде, разрабатывало специальные меры по подготовке наиболее талантливой молодежи в университетах Западной Европы, а при министре Кассо (1910–1914) была разработана система «профессорских курсов» в тамошних университетах. В частности, «профессорские курсы» по математике были привязаны к Парижскому университету. Это, конечно, облегчало задачу найти деньги на завершение лузинской диссертации.

³ Иванов А. Е. Ученые степени в Российской империи. XVIII – 1917 год. М.: ИРИ, 1994.

⁴ Ярошевский М. Г. Иванов А. Е. Ученые степени в Российской империи. 18 в. – 1917 г. М., 1994 – 198 с. // ВИЕТ. 1995. № 3. С. 143–145.

торый пока что известен нам только в самых общих чертах. Задача эта тем более важна, что именно сейчас в этой системе происходят существенные преобразования. Успешное же проведение реформ невозможно без исторического видения проблемы. Для выработки правильного пути необходимо знание истории, которое, как говаривал М. И. Ростовцев, хотя и не дает нам рецептов на будущее, но вооружает нас способностью сознательно переживать настоящее. Книга Иванова не только открывает для нас малоиз-

вестный пласт отечественной истории, но и (может быть, это самое ценное сегодня!) вооружает оптикой, помогающей лучше видеть и оценивать происходящее. Каким образом этой оптикой воспользуются, зависит от того, в чьих руках окажется завтра отечественная система образования. Хотелось бы надеяться, что это будут специалисты, представители «ученого сословия», понимающие суть дела, искренне болеющие за него и читающие «умные» книги.

Редакция журнала присоединяется к поздравлениям Иванова Анатолия Евгеньевича по случаю присуждения Макарьевской премии за 2017 г.